

Музыканты группы «Пинк Флойд»
на пресс-конференции в Москве, 3 июня
1989 года

силы. Она училась (вернее, пребывала в беспрерывных академках) на моем факультете и время от времени наведывалась в курилку, усаживалась на пол, похожая на какую-то сквоматриарха, а вокруг нее теснилась благоговейная толпа желающих принять посвящение. Большинство получало отказ. Помню, как она громко ответила на чей-то просительный лепет: «Ты что, хочешь хипповать днем, а на ночь возвращаться в родительскую квартиру у метро „Аэропорт“? Нет, так не покатит». Я-то даже и днем хипповать хотела только периодически, так что надежды на сближение практически не было. Но тут вдруг этот неблизкий приятель сообщил, что собирается навеститься к моей героине домой — она задолжала комсомольские взносы. Я тогда, кстати, никакого диссонанса между членством в комсомоле и пацификом не почувствовала и напросилась в сопровождающие. Дверь в квартиру нам открыл вполне мирный сосед в грязноватой алкоголичке. Та самая музыка была слышна уже в коридоре — с нею смешивались звонкие пассажи про ускорение, доносившиеся из кухонной радиоточки. Внутри же, в этой самой комнате, музыка заполняла собою все пространство, в котором — на диване, на полу, на широком подоконнике — лежали люди. Нет, не то чтобы как-то неопытно вповалку, а очень даже живописно и кинематографично лежали. И все они погруженно в себя слушали эту странно застревающую в голове музыку. Не мучая никого восстановлением цепочки своих догадок (тогда я спросить не осмелилась), скажу сразу, что это был проигрыш из песни «Пинк Флойд» «Neu You», вырезанный и поставленный на бесконечный повтор.

Когда мы зашли, хозяйка комнаты встала с дивана, благодушно улыбнулась, заправила под хайратник выбившуюся прядь волос и отсчитала рублей с мелочью на комсомол. Вся эта сцена в совокупности — одно из моих самых ярких воспоминаний: словно самовоспроизводящаяся музыка, доносящиеся перестроечные радионные возгласы, коммунальные запахи, странно выглядящие люди в легкой прострации (даже с тогдашней моей наивностью невозможно было предположить, что причиной их общего медитативного состояния является только музыка) и шелест комсомольских купюр. Группу «Пинк Флойд» считают мастерами психоделики, так вот эта сцена для меня — и для той едва соображающей девочки, и для меня сегодняшней — квинтэссенция психодела. Песню «Neu You», кстати, на московском концерте не исполняли. А вот хиты вроде «Money» и «Time» — да. И надувную гигантскую свинью, как на обложке альбома «Animals», к потолку поднимали. Хотя, нужно признаться, сам концерт я помню хуже, чем эту сцену. Вообще-то этих концертов в поддержку альбома «A Momentary Lapse Of Reason» было в «Олимпийском» несколько — кажется, четыре. «Пинк Флойд» выступал без Уотерса (он ушел из группы за несколько лет до этого, а суд за права на название группы только что закончился не в его пользу), что, правда, никого из обалдевших поклонников тогда не волновало. По слухам, почувствовавший некоторую волю «Госконцерт» договорился о концерте группы, еще недавно входившей в список «зарубежных музыкальных ансамблей и исполнителей, в творчестве которых содержатся идейно и нравственно вредные произведения», с

Гилмором, Мейсоном и Райтом, когда они приезжали на Байконур, чтобы для своих нужд записать звук стартующей ракеты. В «Олимпийский» завезли 140 тонн оборудования, что-то перестраивали, что-то меняли, проводили экстренные инструктажи милиции и дружинников на случаи драк и «прорывов». Случились и те и другие. К тому же некоторые фанаты после первого концерта умудрились остаться ночевать в зале, чтобы попасть на следующий, а группа студентов Суриковского института нарисовала себе билеты (цветных ксероксов тогда еще не существовало), и многие из них проканалки. Прямо на входе меня и моего спутника разнесло в разные стороны. Я со свойственной мне тогда энергией пробились вперед и весь концерт провела под самой сценой. Рядом со мной стоял не очень уже юный хиппи, вроде поразивших меня когда-то насельников коммуналки. Где-то на третьей песне по его лицу потекли крупные слезы — и так и не остановились до конца концерта. Возможно, я слишком пристально на него смотрела, потому что в какой-то момент он наклонился ко мне и сказал: «Знаешь, я раньше слушал их музыку на кассетах, но не был уверен, что они существуют на самом деле. А теперь вижу — они существуют. И даже — в той же вселенной, что и я». Потерявшийся жених нашелся спустя несколько часов после окончания концерта и череды недоразумений, свойственных домохозяйственной эре. И немедленно рассказал мне вот что: его соседом в толпе оказался взрослый мужчина, который громко подпевал и все время плакал. Так что, похоже, тот концерт проплакало пол-«Олимпийского».